

«Мне не нравится эта женщина. По факту, я ненавижу ее. Я действительно ее ненавижу.»

Он выплюнул эти слова в окружении нескольких девушек. Слова полные откровенного отвращения, а глаза переполнены неприязненным холодом и остротой. Мне казалось, я слышала треск и не могла понять, была ли это слуховая галлюцинация, отразившаяся в моем сознании.

«..Прямо сейчас, кто-то хороший.. я просто хочу, чтобы кто-то посочувствовал мне за то, что я был для нее щенком которого можно любить.»

Там был детский дом, которым управлял Алан-оджисама, старый друг отца, бывший помощником феодала. Здание приюта располагалось неподалеку от моего дома, резиденции Баретт. Хотя отец отправился туда, чтобы учить детей чистописанию в свободное время, а я увязывалась следом, чтобы поиграть. Рейсс был там новичком.

Поскольку отец делил детей группами и обучал в разные дни, когда он учил одних, я вела себя как старшая сестра и доброволец в качестве друга для других маленьких детей. Я была единственным ребенком в семье и все те малыши, называвшие меня «сестренка Сурия», были моими любимыми младшими братьями и сестрами.

Когда мы познакомились, мне было 11, а ему 9 лет.

Сперва, мальчик, который был младше меня на 2 года, был просто таким же младшим братом, как и все остальные дети. По началу, он просто был в одной из групп.

Рейсс был кожа да кости, что было необычно для нашей страны, с его кроваво-красными глазами, с его черными, как темная ночь волосами и жутким взглядом, он походил на призрака какого-нибудь старинного замка.

Хотя у него было прекрасное симметричное лицо и если присмотреться, у него всегда был скучающий взгляд. Я думаю, что его отсутствующее выражение лица довело до того, что он изолировался ото всех. Дети стали избегать его и даже не пытались к нему приблизиться.

«Так не должно быть!»

Мое сердце приняло решение улучшить ситуацию и я отправлялась в приют самостоятельно даже в те дни, когда отец не ходил. Не навязчиво прося его есть еду, заставляя его закончить чтение книг и вытаскивая его на улицу, чтобы играть, я энергично вмешивалась в его дела. Когда он пытался раздражаться или пытался избавиться от меня, я продолжала вмешиваться в его дела, проявляя таинственную упорность.

Зато как же было так трогательно, когда мои усилия принесли плоды, и он подошел ко мне, позвав по прозвищу «Суу» в первый раз. Когда я ответила, он сильно нахмурился, но затем улыбнулся, и его щеки окрасились в здоровый розовый цвет. Это сложно объяснить, но вы бы захотели улыбнуться ему в ответ.

Так что, это была не моя вина в том, что я обняла его, даже не осознавая этого. Правда, он быстро от меня отстранился. Развитие Рэйсса был поразительно после того как он раскрыл мне тогда свое сердце.

Сперва, он упорно ходил к отцу и учился, а позже попросил дядю Алана, который, похоже,

когда-то давно был рыцарем, лично учить его таким вещам как фехтование и боевые искусства. При занятиях тренировками его фигура стала еще более утонченной. Когда я спросила, почему он выбрал заниматься именно этим, Рэйсс уклонился от ответа:

«Я просто захотел этого»

Но когда я спросила дядю Алана, он, расплывшись в добродушной улыбке, ответил наедине:

«Он сказал: Я хочу быть достаточно сильным, чтобы защитить Су»

«Защитить меня?..»

«Да. Я был очень удивлен, когда он, склонив голову, попросил меня учить его использовать меч. Этот мятежный мальчишка.. кто бы мог подумать, что он решится полностью посвятить себя вам, Сулия-чан.»

Дядя Алан рассмеялся и добавил:

«А, и запомни то, что я сказал тебе - секрет! Этот парень запретил мне рассказывать тебе, «Никогда не рассказывайте Су!» сказал он»

...но мне не хватило смелости отшутиться в ответ.

...прежде чем я узнала об этом у меня уже началось легкое увлечение Рэйссом, который постепенно начал созревать в кого-то сильного и крутого. Я любила моменты, когда его невыразительное лицо немного светлело, когда я называла его по имени «Рэйсс». Я уверена, что он только направил на меня привязанность, как на близкого ему человека, это было как механизм импринтинга. Следует думать, что его желание защитить меня, вероятно, было похоже на чем-то из разряда семейной заботы.

Но, не смотря ни на что, все было хорошо. Независимо от того, насколько был мал близкий ему человек. В конце концов, это было для него действительно важно.

Это.. Это правильно.

В то время мы действительно отлично ладили. Мы так хорошо ладили, что дядя Алан шутливо улыбаясь, сказал: «Мне кажется, что скоро Сулия-чан станет невестой Рэйсса». На что, отец, когда услышал, с серьезным взглядом сказал: «Нет, я не допущу этого. Я никогда не допущу этого.»

Мы провели вместе много времени, так много, что мы даже знали все привычки и слабости друг друга. Мы делились друг с другом своими первыми неловкими ошибками. Он не болтун, но со мной он всегда вел приятные детские беседы. Даже если другие видели это, отношения между нами должны были быть такими, в которых мы бы взаимно ценили друг друга, даже если наши настроения не совпадали.

Эти отношения, как расстраиваемая струна, медленно разрушились.

Когда же наши отношения стали так плохи, чтобы ты смог так оскорбить меня?

<http://tl.rulate.ru/book/7583/140325>